

Что значит

читать

Хосе Ортега-и-Гассет

Ad Marginem

Хосе Ортега-и-Гассет

Что значит читать

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74647011
Что значит читать: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2026
ISBN 978-5-908105-66-8

Аннотация

Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) – испанский философ, автор «Восстания масс» и «Дегуманизации искусства». В этой книге он обращается к, казалось бы, самому привычному занятию – чтению. Что на самом деле происходит, когда мы читаем? Любой текст, по Ортеге, одновременно говорит меньше, чем хочет сказать, и больше, чем намеревался автор, а потому понимание всегда требует усилия и становится своего рода реконструкцией чужой мысли. Размышления о чтении оборачиваются у Ортеги размышлениями о языке, истории и о том, как вообще возможно понимание между людьми разных эпох.

Содержание

Что значит читать	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хосе Ортега-и-Гассет

Что значит читать

Сборник

José Ortega y Gasset

Qué es leer

* * *

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Что значит читать

Читать, читать книгу, как и все собственно человеческие занятия, – дело утопическое¹. Я называю утопическим любое действие, первоначальное намерение которого не может быть реализовано в процессе его выполнения и вынуждено довольствоваться приближениями, по сути противоречащими цели, которая его вызвала. Так, «читать» изначально обозначает намерение полностью понять некий текст. Однако же это невозможно. Можно лишь с большим усилием извлечь более или менее важную часть того, что текст намеревался сказать, передать, заявить, но всегда останется какой-то «нечитаемый» остаток. Тем не менее вероятно, что, прилагая это усилие, мы попутно *читаем* в тексте, то есть понимаем вещи, которые автор не «хотел» сказать и всё же «сказал», раскрыл их нам невольно, даже решительно против своей воли. Эта двойственная природа речи, столь странная и противоречивая, сформулирована в двух принципах моей «Аксиоматики для новой филологии», которые звучат так:

1. Всякое высказывание несовершенно – оно сообщает меньше того, что хочет.

¹ Эти страницы – начало «Заметок для комментария к „Пиру“ Платона». Это записи, сделанные не для публикации, а для сопровождения чтения платоновского текста на семинарском курсе. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, даются примеч. автора.*

2. Всякое высказывание избыточно – оно подразумевает больше, чем предполагает².

Это последнее, этот случайный дар, который преподносит нам избыточность речи, не компенсирует ее конститутивное несовершенство и не делает процесс чтения более успешным, если под чтением мы подразумеваем лишь понимание того, что *хотел* сказать автор. И как раз тот факт, что мы очень быстро понимаем, что значительная часть действительно сказанного автором ускользает от нас – например, даже относительно точное значение того или иного слова, – показывает, что чтение не может состоять только в получении того, что написанные предложения добровольно хотят нам передать, что читать – это не просто скользить по тексту, что необходимо выйти за пределы текста, преодолеть собственную пассивность и кропотливо выстраивать всю ментальную реальность, не *сказанную* в нем, но необходимую для его более удовлетворительного понимания. Тогда мы будем благодарны за все эти излишние находки, которые обнаружили как бы за прочитанными предложениями и которые автор не намеревался сообщать нам или даже хотел от нас скрыть. Это означает, что *любой* текст представляется нам всего лишь фрагментом некоего целого X, которое необходимо реконструировать. Читать серьезно, читать по-настоящему – значит соотносить явные слова с тем скрытым целым, внутри

² См. в моей готовящейся к изданию книге «Веласкес» первую главу «Оживление картин».

которого они определены и, следовательно, понятны.

Это может показаться странным, но не может казаться спорным: чтобы понять то, что кто-то имел в виду, нам нужно знать гораздо больше него самого о том, что он имел в виду, и знать о самом авторе гораздо больше, чем он сам знал. Вот почему Кант был абсолютно прав, когда требовал, чтобы Платона понимали лучше, чем он сам себя понимал.

Эта задача трудна; она включает в себя различные техники и очень сложные теории – некоторые общие, другие специфические, – с которыми мы столкнемся при чтении «Пира». Сумма этих интеллектуальных усилий и спонтанных прозрений называется «интерпретацией», а искусство интерпретировать – «герменевтикой». Так что чтение – это не пустяки. Всякая реальность должна быть определена в соответствии с ее полной формой, по отношению к которой все остальные являются недостаточными. В этом смысле чтение – это интерпретация и ничто иное. Так что не такая уж это тривиальная задача, которую можно было бы посчитать такой простой, – понять то, что кто-то хотел сказать!

Говорение – это одна из вещей, которые делает Человек, и оно рождается как реакция на некую ситуацию. Эта ситуация может быть мгновенной, продолжительной, постоянной для человека или для Человека, «человечества». Человечество – это название ситуации, которая длится приблизительно миллион лет³. Если мы представим себе эти различные

³ Философское понятие «ситуации» как конституирующего элемента челове-

коэффициенты длительности ситуаций в виде зон, мы увидим, как каждая ситуация вписана в более широкую, которая несет ее в себе и порождает, за исключением «постоянного» Человечества, которое является чем-то абсолютным по отношению ко всем остальным. Эти зоны, или слои, ситуации образуют органическую иерархию, так что наиболее быстротечные ситуации предполагают наиболее устойчивые и основаны на них.

Тот факт, что мы сегодня понимаем геометрию Евклида – до недавнего времени его главный труд служил учебником в английских школах, – указывает не на то, что слова Евклида, просто потому, что он математик, имеют смысл *всегда*, а не только в отношении к ситуации, а скорее на то, что определенные компоненты нашей нынешней ситуации остаются такими же, как и те, которые были частью ситуации, в которой жил Евклид и которая натолкнула его на высказывания о геометрии. Гомер, который с небольшим усилием мог бы понять язык Евклида, не понял бы, однако, ни одной фразы из его труда, потому что он не знал ситуации, из которой возникли все эти утверждения. Действительно, только «посвященный» в то, что одним из занятий, которому Человек может посвятить себя, является нечто столь изощренное, что называется «наукой, теорией», сможет найти смысл в утверждениях Евклида. Гомер, увидев эти фигуры треугольников

ческой жизни уже встречается у Огюста Конта. См., например, его «Рассуждение о позитивном духе».

и многоугольников, подумал бы, что «речь идет» о магических заклинаниях или же играх для развлечения детей, потому что обе ситуации – та, что предполагает магию, и та, что предполагает игру, – были ему действительно знакомы. Прежде чем понять любое конкретное высказывание, необходимо ясно осознать, «о чем речь» и «что за игра». Это последнее выражение менее прихотливо или «литературно», чем может показаться читателю на первый взгляд. Ибо, как мы увидим, Платон был совершенно прав – больше, чем он сам предполагал, – когда описывал человеческую жизнь как конститутивную игру (παίδία⁴). Если бы у Человека была своя «природа», предопределенное существование, как у камней, растений и животных, мы могли бы раз и навсегда узнать, что означают его действия; но поскольку ничего подобного нет, то Человек в каждую эпоху *направляет свою жизнь* к различным, более или менее новым целям, целям, которые он сам изобрел и которые являются «соглашением» или *неявной предпосылкой* его действий и занятий. Они имеют смысл только в отношении этого совершенно свободного соглашения. Вот что такое игра: типично «условное» занятие⁵. И наоборот, тот обыденный факт, что мы не можем понять книгу, не реконструировав предварительно *условную ситуацию*, в которой она была написана, является, в свою очередь, непрерывным доказательством игрового характе-

⁴ «Законы», 803с.

⁵ См.: Хёйзинга Й. Homo ludens.

ра, который человеческая жизнь проявляет в одной из своих граней.

Человеку необходимо «говорить» – давайте не будем сейчас вдаваться в подробности почему, – и для этой цели он обладает некоторыми средствами. Главным органом или средством для говорения является язык. Это далеко не единственное средство. И не будем углубляться в рассуждения о том, какие еще есть. Вместо этого скажем, что у лингвистов решительно неполное представление о языке. По нескольким причинам, и все они настолько просты, что граничат с тривиальностью. Во-первых, лингвисты рассматривают уже «готовые» языки и наблюдают за изменениями, происходящими в них с течением времени. Это позволило им развить самую совершенную науку среди всех занимающихся человеком. Но современная лингвистика – это макроскопическая теория. Для существенного прогресса в ней необходимо, чтобы она перешла к методам микроскопии⁶. Для этого необходимо исследовать реальность «язык» в ее изначальной глубине, а для этого, в свою очередь, необходимо не только принимать языки такими, какие они есть, «готовыми», но и уметь видеть язык в состоянии зарождения или, иными словами, представлять условия для возможности по-

⁶ Одновременно в нескольких точках, не связанных друг с другом, она уже проникает на этот уровень чудесной микроскопии. Таковы лингвистическая география, изучение языка через изучение диалектов, говоров, аргю, языков профессиональных групп и т. д.; стилистика.

явления чего-то подобного языку⁷. Тогда станет ясно – и это прописная истина, – что самым сильным условием для того, чтобы кто-то мог что-то сказать, является его способность промолчать обо всём остальном. Только субъект, способный к отречению, к аскетизму, предполагающему молчание о многих вещах, которые он хотел бы сообщить, чтобы смочь сказать хотя бы одну, может сформировать язык. Если бы Человек упорствовал в том, чтобы сказать (следовательно, назвать) оттенок белого, который есть у этой бумаги в отличие от других белых бумаг, язык не возник бы, потому что растекся бы в бесконечных деталях. Вот почему ни в одном языке мира нет слова для обозначения оттенка этой бумаги – то есть чего-то, что мы видим с полной ясностью и *могли бы* вполне *хотеть* сказать. Этот цветовой оттенок невыразим. Распространенное представление о том, что что-то невыразимо, потому что это очень сложно, возвышенно или божественно, является грубой ошибкой. Невыразимость имеет множество измерений; некоторые действительно возвышенные и патетические, но другие, как упомянутое, исключительно тривиальные. Язык в своей подлинной реальности рождается и живет как вечная борьба и компромисс между желанием сказать и необходимостью умолчать. Умолчание, невыразимость – это позитивный и неотъемлемый фактор языка. Чтобы смочь сказать кое-что, каж-

⁷ Этот вопрос, следовательно, не имеет никакого отношения к проблеме «происхождения языка».

дое общество осуществляет разный отбор из огромной массы того, что следовало бы сказать, и этот отбор создает организм, которым является язык. Договоримся же, что язык уже рождается как ампутация говорения. Думаю, что было бы нетрудно, перенеся это представление о языках на бумагу, изобразить их границы так, чтобы при наложении друг на друга были бы очевидны совпадения и расхождения в том, что выражается и умалчивается. Каждый язык формируется различным избирательным духом, который действует в лексике, морфологии, синтаксисе, структуре предложений и периодах.

Удивительно, что такой образцовый ученый, как Мейе, сказал: «Любой язык может выразить всё, что необходимо обществу, органом которого он является. Язык полумодернизированных людей не сможет выразить философских теорий, но это не является следствием его собственно языковой структуры. Каков бы ни был фонетический или грамматический строй языка, он может выразить совершенно всё»⁸. Сейчас не самое подходящее время для подробного обсуждения этого тезиса, который является примером неискоренимого оптимизма, прочно закрепившегося в научной мысли с тех пор, как она зародилась в Греции. Формула «всё, что необходимо обществу» слишком мало обязывающая, но мы всё же задаемся вопросом, какой мерой меряет Мейе по-

⁸ Бюллетень Французского философского общества. Обсуждение от 22 ноября 1922 года.

требности общества. Мы подозреваем, что в его словах скрывается тавтология и что он путает потребности, которые общество имеет, с теми, которые оно удовлетворяет, а реальный язык – с неким полностью удовлетворительным, то есть совершенным, языком⁹. Такое преувеличенное утверждение, как в конце цитируемого абзаца, имел бы право сделать только тот, кто не ограничился наблюдением за лингвистическими фактами и *результатом*, которым являются языки, а, столкнувшись со всеми этими реальностями речи, рассмотрел возможности этой функции и использовал их в качестве отправной точки для формирования сущностного понятия языка¹⁰.

⁹ Отметим мимоходом, что этот оптимизм – смысл и происхождение которого мы собираемся обнаружить в этом комментарии к «Пиру», – не только лингвистический. Поскольку язык является типичной функцией общества, подразумевается, что общество представляет собой практически совершенную реальность, раз оно удовлетворяет свои потребности в достаточной мере. В этом есть еще и социологический оптимизм. Это наивное убеждение, что то, что есть, просто потому что оно есть, должно быть совершенным, пришло к нам от Платона через схоластические каналы. В словах Мейе, которые я цитирую, благочестивая иллюзия, что цивилизованный народ способен выражать свои философские теории, принимается как данность.

¹⁰ Это самое существенное различие между мышлением сегодняшнего дня и мышлением полвека назад, которое всё еще было «позитивистским». Последнее с самого начала основывалось на реальностях (знаменитых «фактах»); но современные науки, особенно физика, столкнувшись с проблемой, начинают с построения системы ее возможностей и только затем помещают реальности в эту формальную сетку. Тот, кто учитывает только реальность какого-то предмета, не может увидеть его образ, потому что ему не хватает фона, на котором можно было бы выделить силуэт, то есть *форму*. Этот фон – плоскость возможностей

Таким образом, язык состоит в предварительном усечении и некоем аскетизме говорения, сопровождающих весь его генезис, организацию и развитие. Ибо ясно, что язык никогда не бывает готовым, но всегда делается, то есть рождается. Это постоянное становление реальности «язык» состоит не в поверхностных – хотя и важных – изменениях, которые лингвист исследует и пытается свести почти к законам, а в изменениях глубинных тенденций, порождающих огромные сдвиги, в таких, например, как то, которое побудило самого Мейе написать исследование под названием «Можно ли считать английский язык индоевропейским?».

Мы можем резюмировать это первое условие языка, сказав: *язык всегда ограничен границей невыразимости*. Это ограничение устанавливается тем, что абсолютно *невозможно* сказать на каком-либо языке или на любом языке.

Но на это наслаивается второе ограничение, а именно: всё, что язык *мог бы* сказать, но что каждый язык умалчивает, в ожидании того, что слушатель может и должен сам догадаться и добавить это. Это умолчание находится на другом уровне, чем первое, – оно не абсолютно, оно относительно; оно исходит не из фатальной невыразимости, а из сознательной экономии. В противоположность невыразимому я называю эту сознательную сдержанность языка *невыраженным*. Здесь мы можем избежать дальнейших объяснений, проци-

(и, разумеется, невозможностей). Сущность реального языка можно исследовать только с точки зрения возможного-невозможного языка.

тировав лишь несколько слов Вильгельма фон Гумбольдта, человека, который, возможно, обладал наибольшей чувствительностью к реальности «язык». «В грамматике любого языка есть часть, имеющая внешнее выражение, и часть подразумеваемая, умалчиваемая (*stillschweigend hinzugedachten Teil*). В китайском языке первая часть присутствует в бесконечно малой пропорции по сравнению со второй». «В каждом языке контекст высказывания должен приходить на помощь грамматике. В китайском этот контекст является основой для понимания, и часто нет другого выбора, кроме как вывести конструкцию¹¹ из него. Сам глагол обнаруживается только в именном понятии»¹². «Китайский язык, благодаря странному феномену этого чистого и простого *отказа*¹³ от преимущества, присущего другим языкам», добивается того, что отношения и противопоставления между идеями становятся более ясными, чем в любом другом.

Здесь, следовательно, мы имеем второй слой ограничений в говорении на языке. Любопытно, что лингвисты так часто упускают это из виду и тот факт, что, говоря на языке, мы понимаем и передаем то, что язык оставляет невыраженным,

¹¹ То есть синтаксис.

¹² Вильгельм фон Гумбольдт – «Werke», V. 319. Цит. по Штенцелю, «Философия языка». Для лучшего понимания представьте себе предложение, состоящее только из имен, и что, например, в слове «бег» мы должны были бы понимать идею «бежал», наряду со всеми другими наклонениями, временами, числами и лицами глагола «бежать».

¹³ Выделено мной.

мешает им понять, что сам язык этого не выражает. В целом они не видят, что различие между тем, что выражает язык, и тем, что мы выражаем «с его помощью», недостаточно подчеркивается.

Но есть и третья причина, которая ясно показывает, насколько лингвистика не обладает полным пониманием того, что такое язык. Самые примитивные народы не могут понимать друг друга исключительно на своем языке; им необходимо дополнение в виде жестов. Вот почему они не могут разговаривать в темноте. Фробениус отметил, что коренные жители Нигерии плохо понимают европейца, свободно говорящего на их языке, по той простой причине, что он жестикулирует гораздо меньше, чем они¹⁴.

¹⁴ Даже в Нью-Йорке (Гарлеме) чернокожий священник, произносящий проповедь в Вербное воскресенье, когда рассказывает о том, как Иисус въезжал в Иерусалим на осле, взбирается верхом на кафедру. «В Лаонго каждый пользуется речью на свой лад, или, вернее говоря, из уст каждого речь выходит по-разному, смотря по обстоятельствам и по расположению говорящего. Это пользование речью является столь же свободным и естественным, как (я не знаю лучшего сравнения) звуки, издаваемые птицами» (Пехуэль-Леше Э. Лоанго-экспедиция III). Иначе говоря, слова не являются здесь чем-то застывшим и установленным раз и навсегда, напротив, голосовой жест описывает, рисует, графически выражает так же, как и жест рукой. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление (пер. с франц. под ред. В. К. Никольского, А. В. Киссина). Добавьте к этому, что многие примитивные языки состоят не только из звуков, но и из фиксированных жестов, имеющих прямое и формальное грамматическое значение. Это языки, которые, следовательно, не могут быть письменными, по крайней мере в том смысле, в котором таковыми являются классические языки и наши собственные. «Тот факт, что жесты не изучались, не мешает нам признать, что некоторые очевидные неясности письменного языка не являлись бы таковыми в устной речи» (Хомбургер

Это заставляет нас заметить, что, если лингвисты считают, что «говорить» – значит использовать язык, они в корне ошибаются. Потому что язык – это не просто говорение, но говорение, дополненное модуляциями голоса, выражением лица, жестами и общим телесным поведением человека. Следовательно, язык лингвиста является лишь фрагментом языка как «речи». И дело не в том, что лингвист должен заниматься тем, что он опустил, чтобы не принимать во внимание или освободить язык, а в том, что, учитывая это, он должен формально рассматривать язык как фрагментарную реальность, а не как целостный объект, *integrum*

Л. Негритянские языки Африки). Много лет назад я сказал, что если взрослые англичане и испанцы испытывают, по крайней мере среди европейцев, наибольшие трудности в изучении иностранных языков, то это потому, что у них гипертрофированное чувство личного «достоинства», хотя и в разном выражении и по разным, и отчасти антагонистическим, причинам. Связь между этими двумя явлениями, казалось бы столь далекими друг от друга, заключается в том, что при изучении другого языка во взрослом возрасте приходится вести себя подражательно, отказываться от собственного «я» и «играть» в немца или француза и т. д. Подражание во взрослой жизни неизбежно подразумевает определенную дозу театральности, фарса и клоунады, чему, конечно же, сопротивляются два таких ужасно серьезных народа, столь неспособных перейти от своего *этоса* к чужому, столь неспособных мобилизоваться за пределами самих себя. Однако это было бы не так, если бы язык был всего лишь произношением – техническими движениями, необходимыми для достижения цели, – а не, как он есть, действенной жестикуляцией – выразительными движениями, которые гармонично исходят из нашей личности, сформированной с детства в коллективной матрице нашего народа. Короче говоря, англичане и испанцы стыдятся говорить на других языках. Вот почему по своей сути язык – это действительно *идио-м*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.